

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО К. Д. УШИНСКОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В. А. Сомов^{1,2}

*¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация*

*²Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина
(Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Введение. Основатель отечественной педагогической антропологии К. Д. Ушинский связывал педагогическое искусство с необходимостью междисциплинарных антропологических исследований процесса передачи знаний и системы ценностных установок подрастающему поколению. В статье предпринята попытка анализа причин долговременного неприятия на государственном уровне принципов «искусства творить то, чего нет», как Ушинский определял педагогику, и определения основных перспективных направлений возможного актуального применения.

Материалы и методы. В ходе исследования в рамках междисциплинарного подхода применялись историко-биографический, историко-правовой, историко-педагогический методы, общенаучные принципы и подходы научного анализа.

Результаты исследования. Цель воспитательно-педагогического воздействия К. Д. Ушинский видел в формировании поколения свободных, интеллектуально развитых, способных к созиданию граждан – патриотов России. По определенным обстоятельствам идеологического и административно-политического характера его учение не было воспринято в полной мере и не получило широкого распространения при его жизни. Лишь в середине 1930-х гг. государство обратилось к наследию К. Д. Ушинского. Позднее советское общество так и не сумело воспринять творческий потенциал великого педагога. Современная Россия не должна упускать этот шанс.

Обсуждение и заключения. Приведенные в статье выводы можно отнести к фундаментальным положениям, реализация и развитие которых может дать не только краткосрочный эффект оптимизации педагогической деятельности, но и послужить стратегическим ориентиром для развития современного общества.

Ключевые слова: К. Д. Ушинский, советское общество, социальная антропология, историческая педагогика

Для цитирования: Сомов В. А. Педагогическое искусство К. Д. Ушинского сквозь призму исторической действительности // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12, № 1. С. 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-4.

PEDAGOGICAL ART OF K. D. USHINSKY THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL REALITY

V. A. Somov^{1,2}

¹*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University),
Nizhny Novgorod, Russian Federation*

ABSTRACT

Introduction. The founder of Russian pedagogical anthropology K. D. Ushinsky connected the art of teaching with the need for interdisciplinary anthropological research into the process of transferring knowledge and a system of values to the younger generation. The article attempts to analyze the reasons for the long-term rejection at the state level of the principles of «the art of creating something that does not exist» as Ushinsky defined pedagogy, and to identify the main promising directions for possible current application.

Materials and Methods. During the research, within the framework of an interdisciplinary approach, historical-biographical, historical-legal, historical-pedagogical methods, general scientific principles and approaches to scientific analysis were used.

Results. As the purpose of the educational and pedagogical influence K. D. Ushinsky saw the formation of a generation of free, intellectually developed citizens capable of creation – the patriots of Russia. Due to certain circumstances of an ideological and administrative-political nature, his teaching was not fully accepted and did not become widespread during his lifetime. Only in the middle of 1930s the state turned to the legacy of K.D. Ushinsky. Later Soviet society failed to perceive the creative potential of the great teacher. Modern Russia should not miss this chance.

Discussion and Conclusions. The conclusions presented in the article can be attributed to fundamental provisions, the implementation and development of which can give not only a short-term effect of optimizing teaching activities, but also serve as a strategic guideline for the development of modern society.

Keywords: K. D. Ushinsky, Soviet society, social anthropology, historical pedagogy

For citation: Somov V. A. Pedagogical art of K. D. Ushinsky through the prism of historical reality // Vestnik of Minin University. 2024. Vol. 12, no. 1. P. 4. DOI: 10.26795/2307-1281-2024-12-1-4.

Только педагог-историк может уяснить нам влияние общества в его историческом развитии на воспитание и влияние воспитания на общество, не гадательно только, как это делается теперь почти во всех всеобъемлющих германских педагогиках, но основывая всякое положение на точном и подробном изучении фактов.

К.Д. Ушинский

Введение

В 2023 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского педагога, основателя отечественной антропологической школы воспитания и обучения – Константина Дмитриевича Ушинского (1823-1870). Его теоретическое наследие стало основой для такого

количества поистине трудно исчислимых научных работ, статей, диссертаций, пособий, лекций, образовательных программ, что одно их перечисление наверняка заняло бы несколько солидных томов. При этом нельзя не отметить, что большинство из этих работ принадлежит перу педагогов (теоретиков и предметников), психологов, реже – философов и уж совсем не часто – историков. Тем не менее именно анализ исторических реалий генезиса научного феномена К. Д. Ушинского позволяет более предметно представить его суть, содержание и цель его учения, а следовательно – приблизиться к адекватному системному восприятию этого феномена. Как известно, исследовательский принцип историзма полагает научной ту оценку явления, которая учитывает его исторический контекст, главными компонентами которого обычно признаются взаимоотношения власти и общества в процессе социо- и культурогенеза. Значение педагогического творчества К. Д. Ушинского охватывает настолько обширные области в системе властно-личностных отношений, что ее рассмотрение только лишь в качестве узко-предметной деятельности неизбежно приводит к дискретному восприятию целостного явления. **Целью** данной статьи, таким образом, становится попытка частичного преодоления односторонности такого подхода. Осознавая всю сложность данной задачи, ограничимся анализом отношения К. Д. Ушинского к проблеме трудовой деятельности, которая, как нам представляется, выступает в качестве связующего звена антропологических, педагогических и социально-политических взглядов великого русского педагога.

Обзор литературы

За полтора десятилетия накопилось значительное количество работ, посвященных многогранным связям теоретического наследия К. Д. Ушинского с целым рядом направлений в отечественной педагогике [3]. Их предметный анализ не входит в круг задач настоящей статьи. Тем не менее ряд знаковых изданий анализируются в основном тексте настоящей статьи.

Результаты исследования

В работе «Труд в его психическом и воспитательном значении» (1860 г.) Ушинский наметил целый ряд тезисов, далеко опережавших современную ему науку. Он откровенно обнаруживает связь образования и мировоззрения, образа жизни и нравственности: «Неужели в быстром передвижении на паровозах и пароходах, в мгновенной передаче известий о погоде или о цене товаров через электрические телеграфы, в износке возможно большего количества тончайших бархатов и толстейших трико, в истреблении благовонных сигар и смердящих сыров откроет человек, наконец, назначение своей земной жизни? Конечно, нет» [15, с. 353-354]. Общество, в котором присутствует несоразмерное распределение труда и благ, не может, по мнению Ушинского, претендовать на высокий уровень нравственности: «Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние; но только внутренняя, духовная животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности, и счастья» [15, с. 337-338]. Избегая излишнего цитирования, отошлем интересующегося читателя к тексту самой статьи; отметим, лишь, что, по сути, эта статья – яркий антиэксплуататорский манифест! Нам представляется, что именно она стала причиной «охлаждения» к Ушинскому в «верхах» российской бюрократии, что и развязало руки всем его (а на самом деле – его откровенного взгляда на действительность) недоброжелателям.

Отмену крепостного права в России в феврале 1861 года Ушинский воспринял воодушевленно: «Боже мой, сколько нужно школ, школ и школ для всего этого народа,

возрожденного к гражданской жизни!» [2, с. 606]. Эти настроения довольно резко контрастировали с нежеланием части российского общества даже обсуждать проблему наличия гражданских прав (в том числе права на образование) у так называемого «мужицкого» сословия. Публичные выступления Ушинского не могли остаться незамеченными. Наиболее откровенно по поводу статьи «Труд в его психическом и воспитательном значении» высказался писатель Октавий Васильевич Мильчевский в журнале «Русский педагогический вестник»: «Все это пока ничего, но в развитии этих основных положений встречаются вещи... от которых сразу не придешь в себя» [7, с. 251]. Помимо того, что в рецензии встречаются оскорбительные, принижающие значение работы Ушинского эпитеты («статейка»), автор, пользуясь схоластическими методами дискуссии, пытается полемизировать с Ушинским по поводу *характера* (здесь и далее курсив мой. – В. С.) труда: «Что вы не проповедывайте о сладости тяжкого труда, но упрямая человеческая натура будет стоять на своем, что де тогда заживем припеваючи, когда грубый труд достанется машинам, когда жить будет и комфортно и дешево...» [7, с. 253]. Очевидно, что статья Мильчевского – выражение эксплуататорской точки зрения, которая видит в отчужденном труде *источник блага* для себя и лишь средство существования для трудящихся и пытается объяснить это положение «естественной» природой человека. Автор (намеренно?) не замечает, что Ушинский писал о труде как о *потребности* человека в самореализации, подразумевая возможность пользоваться результатами *своего* труда. Он говорил о воспитательном значении труда именно и только с точки зрения его свободного характера – как средства физического и духовного роста. Но эти идейные «пятнышки», как их именует О. В. Мильчевский, сугубо неприятны тем, кто видит в *тяжелом* – читай «крестьянском» – труде лишь источник собственного благосостояния.

Небезынтересно также ознакомиться с выдержками из «Внутреннего обозрения» журнала «Современник» за май 1861 года – номера, в котором была помещена статья, посвященная К. Д. Ушинскому. Вот в каких выражениях описывалась проблема образования «мужика»: «Мужики, по крайней мере – русские мужики – люди ли? Сколько нам известно, вопроса этого еще никто не ставил в нашей литературе, по крайней мере, никто не выражал его так категорически, как его выразили мы. Между тем, необходимость постановки этого вопроса чутся всем и всюду... Если бы никто не сомневался, что мужики – люди, не могло бы быть никакого сомнения и в том, что они имеют право быть грамотными, как и все, имеют право наравне с другими учиться каким угодно наукам, точно так же как имеют право отправлять разные дела свои по своему усмотрению, не имея нужды ни в какой постоянной опеке над собой от других и т.д., – но в таких правах мужиков сомневаются очень многие» [4, с. 58].

Далее: «Если же мужики не люди, или люди, но низшего порядка, не того, к которому принадлежат люди истинные, т.е. благородные, то, казалось бы, и образовывать их, и даже учить грамоте нет никакой надобности. Так действительно и думали древние. То же мнение высказывали и некоторые из новейших россиян, люди очень почтенные. Если не ошибаемся, то того же мнения держится и Виктор Ипатьевич Аскоченский (Аскоченский В. И. (1813-1879) – историк, литератор, издатель журнала «Домашняя беседа». – В. С.). По его мнению, если человек хранит веру и чистое сердце, то он легко может обойтись без грамотности, грамотность, пожалуй, еще развратит и погубит его» [4, с. 68]. И вывод: «Из всех приведенных нами соображений очевидно, что грамотность для мужиков необходима. Другое дело – образование их высшим наукам. Это для них уже излишняя, ничем не оправданная роскошь. Правда либералы и здесь кричат за мужиков. Они говорят, что каждый талант есть капитал для государства даже в экономическом отношении, что в массах родится множество талантов,

что если им закрыть путь к высшему образованию, то государство будет разорять само себя» [4, с. 71-72].

Безусловно, сам факт такого обсуждения – значительный прогресс в «посткрепостническом дискурсе», но нельзя и не отметить его, по сути, антигуманный, если не сказать больше, характер! Сложно представить, что идеи Ушинского о народной школе могли быть приняты обществом, искренне озабоченным вопросом, являются ли мужики людьми? В этом же майском 1861 года номере «Современника» помещена была статья И. А. Пиотровского «Погоня за лучшим», которая предполагалась автором как концептуальная критика идей К. Д. Ушинского, но вышла не столько полемической, сколько, как нам кажется, оскорбительной и провокационной. Автор, осознавая, всю сложность выражения мыслей и оценок в условиях цензуры, ставит Ушинскому в упрек, что он «точно и не видит прямых отношений, порождающих ту или иную общественную болезнь, а хватается постоянно за отвлеченно-собираемые понятия «цивилизации», «государственности», «гражданственности» и т.п.» [11, с. 128] – буквально провоцирует Ушинского на публичное высказывание радикальных идей политического характера.

Статьи К. Д. Ушинского в Журнале Министерства Народного просвещения, как и реакция на них, свидетельствуют не только о едва лишь намечавшемся переломе в формировании российского гражданского общества, но и о его невосприимчивости к идее *народного* образования. Откровенная конструктивная критика образовательной системы *не могла* не затрагивать тех негативных факторов, порождением которых она являлась. Ушинский никогда не призывал ни к свержению строя, ни к реформе церкви, но, как неравнодушный гражданин и христианин, лишь пытался показать путь к исправлению накопившихся «системных ошибок» в государстве и в обществе. К сожалению, он оказался не понят, и проблемы, о которых он говорил применительно к педагогике (как другие в это же время говорили, применительно, к политике), стали решаться «снизу» – радикальным путем в начале XX века. Ушинского в этом смысле можно назвать, по сравнению с его современниками – революционными демократами, человеком, пытавшимся избежать общественного кризиса, сохранить традиционный порядок, при этом избавив его от непосильной тяжести социальных «перекосов». Именно поэтому ему не симпатизировали ни находившиеся у власти консерваторы, ни стремившиеся к ней революционеры. Ушинский был одним из тех, кто видел, что общество столкнулось с рядом серьезных проблем, которых можно избежать, обратившись лицом к образованию и воспитанию.

К несчастью, «заинтересованные» лица были более заинтересованы своим собственным видением ситуации, нежели попытками решения проблем. Качественные перемены в образовании с точки зрения аппарата были преждевременны. Тот же И. Пиотровский писал: «Иногда невольно поражаешься нападками и придирами нашей журналистики к казенно-учебным заведениям: они идут своей дорогой, они вырабатывают *существа, нужные для административной деятельности*, а потому стоят крепко на земле и не имеют ни охоты, ни надобности следовать причудливым фантазиям разума, они извлекают возможно большую пользу из общества ради правительственных нужд, – почему требовать от них перемены взгляда и убеждений то же, что силиться разбить обух плетью» [11, с. 119-120].

В письме отцу Иоанну (Белюстину), священнику города Калязина Тверской губернии – корреспонденту журнала, К. Д. Ушинский пишет: «Что же делать? Нынешней публике нужны или Аскачские, или Чернышевские... Грустно, тяжело! Громадные события приближаются с страшной быстротой, а мы встречаем их какими-то шутками и похожи на глупых дикарей, которые пляшут перед смертью. Польша, финансовый вопрос, крестьянский вопрос – это

такие тучи, которые не пройдут мимо. Приближение их уже слышно и этот зловеющий шум не в состоянии пробудить безумных... В наших журналах только смех, балагурство, да шутки; *все кажется в розовом свете этим пьяным людям*» [1, с. 70-71].

Гражданская позиция К. Д. Ушинского, со всей откровенностью выраженная в статьях «Журнала министерства народного просвещения», его желание придать журналу научный, истинно просветительский характер, мягко говоря, не вызывали сочувствия в высоких кабинетах. В объяснительной записке директору департамента народного просвещения Ивану Давыдовичу Делянову в октябре 1861 года Ушинский предложил целый ряд конструктивных преобразований, которые были встречены с неприязнью. Министр Путятин через Делянова сообщил, что журнал «будет издаваться на прежних основаниях». Получив это сообщение, 1 декабря Ушинский прекратил редактирование журнала [13, с. 303]. К слову, это тот самый И.Д. Делянов, который в июне 1887 года, уже будучи министром, предложит «освободить» гимназии «от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию» [9].

Знания, не применяемые на практике, – пусты и «скоро забываются». Эта педагогическая аксиома была не столь очевидной во времена Ушинского. Ведь за вопросом, *как* дать народу знания, неизбежно вставал вопрос *зачем*? Занятие физическим трудом, земледелием не требует особого уровня образования. Исполнение чиновных предписаний тоже. Тогда как понимать заявленную Ушинским цель народной школы «развить разумный взгляд на ...общественные отношения»? Что значит «сделать их способными к самостоятельной разумной жизни и деятельности»? «Трудно себе представить – писал Ушинский, – какой переворот в идеях и в душе человека, заключенного где-нибудь в глуши уездного города, может сделать попавшая в его руки хорошая книга» [16, с. 142]. Вот этого «переворота» и не желали российские «городничие».

Учитывая мысли, высказанные Ушинским в статьях о труде и народном воспитании, у «заинтересованных» лиц не оставалось сомнения в том, что идея народной школы означала конец чиновничье-бюрократического диктата. В этом – главная причина неприятия гуманистического взгляда на образование, которое, по мнению недоброжелателей Ушинского, должно было оставаться «элитным» не в смысле качества, а в смысле «узости круга благополучателей».

К сожалению, противоречие между сословностью образования и широкой потребностью в образованных людях так до конца и не было преодолено, и это стало поистине трагедией для России. Характер труда, по Ушинскому, его представления о человеке и обществе не соответствовал социально-политической организации современного Ушинскому общества. Концепция К. Д. Ушинского, несмотря на многочисленные публикации его учебников, не получила широкого распространения до революции 1917 г. по причине ее особого отношения к труду как к преобразующей силе, которая способна с неизбежной необходимостью преобразовать не только человека, но и все общество.

Революционные преобразования 1917 года еще долго будут предметом нелицеприятных споров и эмоциональных оценок. Во многом эти крайности связаны с радикальными попытками психолого-педагогического воздействия на молодое поколение, с созданием так называемого «нового» человека (Л. Д. Троцкий, Е. С. Енчмен, евгеника, педология). С целью «облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты» в декабре 1917 г. были введены новые правила правописания. В частности, подлежали замене буквы “Ъ”, “Ө”, “І”, исключалась буква “Ъ” в конце слов [12]. За этим последовала попытка

латинизации алфавита [5, с. 7]. Активизировались сторонники изучения языка эсперанто [10]. Объединяла все эти «инновации» уверенность в неизбежности «мировой революции» и создания мирового пролетарского государства, граждане которого – трудящиеся – будут говорить на одном языке. После революционных преобразований наследие К. Д. Ушинского долгое время не получало распространения в силу преобладания среди части политической элиты вульгарно-материалистических взглядов на природу человека и общества. Ушинский же, напротив, исходил из понимания сознания, чувств и воли человека как производных души, сущность которых «не может быть выведена ни из каких законов материи» [14, с.138].

Только в конце 1930-х гг., после известных политических преобразований, связанных с отказом от неперенной реализации идеи «мировой революции», антропологическая концепция К. Д. Ушинского получила поддержку со стороны власти. Отказ от педологии вынудил обратиться к предыдущему опыту, благо он был, что называется «под рукой». Теория педагогической антропологии К. Д. Ушинского представляла полную противоположность механистическим проектам создания «нового» человека. Переломным событием в отношении к наследию Ушинского в СССР можно считать публикацию в «Правде» от 10 апреля 1937 г. статьи «Великий русский педагог и его судьбы» [8]. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. А. Калинин на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической Академии РККА 19 сентября 1940 года отмечал: «Выдающийся русский педагог Ушинский говорил, что одно дело – нести знания, а другое дело – воспитывать. Причем воспитывать, по его мнению, гораздо труднее, чем учить, давать общее и специальное образование. Чтобы действительно воспитывать, для этого надо не только хорошо знать свое дело, но иметь еще чистую душу. Под «душой» Ушинский понимал моральный облик воспитателя, его нравственность, или то, что еще называют совестью» [6, с. 383]. На совещании работников народного образования 30 января 1941 г. М. И. Калинин высказал ряд предложений относительно преподавания физкультуры, черчения, географии их взаимосвязи и соотношении. Примечательно, в частности, такое его замечание: «Все мы очень много говорим о воспитании патриотизма. Но ведь это воспитание начинается с углубленного познания своей Родины» [6, с. 435]. При этом «всесоюзный староста» признался: «Я сказал – мои предложения. Но, говоря по совести, они не являются моими, оригинальными, в строгом смысле этого слова. Все это я вычитал у старых русских педагогов, большей частью – у Ушинского... я вижу, что те идеи, которые развивал в свое время Ушинский и которые я здесь выдвинул в качестве практических предложений, – это настоящие педагогические идеи» [6, с. 436].

Война 1941-1945 гг. и последовавший вскоре после Победы новый виток догматизации коммунистической идеи с неперенным наличием атеистического компонента сделали практически невозможной полноценную реализацию идей К. Д. Ушинского на практике. В «урезанном» виде педагогическая антропология Ушинского не возымела должного эффекта, несмотря на огромное количество монографий, статей и диссертаций, посвященных его принципам воспитательно-образовательного воздействия.

Обсуждение и заключения

Творчество великого русского педагога в разные исторические эпохи не находило полноценной поддержки в силу его синтетического характера, во многом опережавшего время. Современная Россия находится на этапе поиска парадигмального переосмысления сущности человека и поиска ответа на вызовы цифровой эпохи. Современное прочтение

теории К. Д. Ушинского оставляет шанс на продолжение дискурса в человеческом измерении. Правильное – системное, не дискретное, а всеобъемлющее прочтение, применимое не только к отдельным школьным предметам, но к обществу в целом. Такой подход позволяет по-новому открыть для изучения, те грани общественного развития, которые скрыты для «классических историков» за текстом источника и для «классических педагогов» за рамками доминирующей практикуемой педагогической парадигмы. Применение результатов и выводов психолого-педагогических наук к анализу исторических источников, оценка исторического развития общества с учетом образовательно-воспитательного воздействия на определенное поколение, на наш взгляд, содержит серьезные перспективы формирования нового, практически значимого, знания о принципах, закономерностях и перспективах антропогенеза в его историческом преломлении.

Список использованных источников

1. Архив К. Д. Ушинского в четырех томах. Москва-Ленинград: Академия педагогических наук РСФСР, 1959. Т. 1. 478 с.
2. Архив К. Д. Ушинского: в четырех томах. Т. 4. Москва-Ленинград: Академия педагогических наук. РСФСР, 1962. 719 с.
3. Великий русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский: биобиблиографический список / сост. О. Н. Сапронова. Ярославль, 2023. 18 с.
4. Внутреннее обозрение // Современник. 1861. №V. Т. 87. С. 1-89.
5. Даудов А. Х., Мамышева Е. П. Из истории латинизации национальных алфавитов СССР // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 2. С. 7-12.
6. Калинин М. И. Избранные произведения в четырех томах. Т. 3. Москва: Госполитиздат, 1962. 493 с.
7. Мильчевский О. О «труде» г. Ушинского, помещенном в журнале министерства народного просвещения за июль 1860 г. // Русский педагогический вестник. 1860. Т. 4, № 11. Отд. 10. С. 250-255.
8. Мурманов Д. Великий русский педагог и его судьи // Правда. 1937. 10 апреля. С. 4.
9. О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных. Циркуляр. 18 (30) июня 1887 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том десятый. Царствование Императора Александра III. 1885-1888 годы. Санкт-Петербург, 1894. С. 880-883.
10. Панченко А. А. Идея мировой революции и ее влияние на развитие лингвистического образования в первые годы советской власти // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24, № 4. С. 29-32.
11. Пиотровский И. Погоня за лучшим. Критические очерки. Мотивы общественного образования (По поводу педагогических статей г. Ушинского) // Современник. 1861. №V. Т. 87. С. 118-146.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. Москва: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 187-188.
13. Ушинский К. Д. Собрание сочинений: в 11 т. Т. 11. Москва-Ленинград: Академия педагогических наук РСФСР, 1952. 728 с.
14. Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Т. 5. Москва: Педагогика, 1990. 528 с.
15. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 2. Москва-Ленинград: Академия педагогических наук РСФСР, 1948. 655 с.

16. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 11 т. Т. 3. Москва-Ленинград: Академия педагогических наук РСФСР, 1948. 689 с.

References

1. Archive of K. D. Ushinsky in four volumes. Moscow-Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1959. Vol. 1. 478 p. (In Russ.)
2. Archive of K. D. Ushinsky: in four volumes. T. 4. Moscow-Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk. RSFSR Publ., 1962. 719 p. (In Russ.)
3. The great Russian teacher Konstantin Dmitrievich Ushinsky: biobibliographic list / comp. O. N. Sapronova. Yaroslavl, 2023. 18 p. (In Russ.)
4. Internal review. *Sovremennik*, 1861, no. V, vol. 87, pp. 1-89. (In Russ.)
5. Daudov A. H., Mamysheva E. P. From the history of the Latinization of national alphabets of the USSR. *Vestnik SPbGU. Ser. 2*, 2011, issue. 2, pp. 7-12. (In Russ.)
6. Kalinin M. I. Selected works in four volumes. Vol. 3. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962. 493 p. (In Russ.)
7. Mil'chevskij O. About the "work" of Mr. Ushinsky, published in the magazine of the Ministry of Public Education for July 1860. *Russkij pedagogicheskij vestnik*, 1860, vol. 4, no. 11, part 10, pp. 250-255. (In Russ.)
8. Murmanov D. The Great Russian Teacher and His Judges. *Pravda*, 1937, April 10, p. 4. (In Russ.)
9. On reducing the number of students in gymnasiums and pro-gymnasiums and changing the composition of them. Circular. June 18 (30), 1887. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Tom desyatyi. Tsarstvovanie Imperatora Aleksandra III. 1885-1888 gody*. St. Petersburg, 1894. Pp. 880-883. (In Russ.)
10. Panchenko A. A. The idea of the world revolution and its influence on the development of linguistic education in the first years of Soviet power. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, vol. 24, no. 4, pp. 29-32. (In Russ.)
11. Piotrovskij I. Pursuit of the best. Critical Essays. Motives of public education (Concerning the pedagogical articles of Mr. Ushinsky). *Sovremennik*, 1861, no. V, vol. 87, pp. 118-146. (In Russ.)
12. Collection of laws and government orders for 1917-1918. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR Publ., 1942. Pp. 187-188. (In Russ.)
13. Ushinskij K. D. Collected works: in 11 volumes. Vol. 11. Moscow-Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1952. 728 p. (In Russ.)
14. Ushinskij K.D. Pedagogical works: in 6 volumes. Vol. 5. Moscow, Pedagogika Publ., 1990. 528 p. (In Russ.)
15. Ushinskij K.D. Collected works in 11 volumes. Vol. 2. Moscow-Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1948. 655 p. (In Russ.)
16. Ushinskij K.D. Collected works in 11 volumes. Vol. 3. Moscow-Leningrad, Akademiya pedagogicheskikh nauk RSFSR Publ., 1948. 689 p. (In Russ.)

© Сомов В. А., 2024

Информация об авторах

Сомов Владимир Александрович – доктор исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,

History of Education and Education

Нижний Новгород, Российская Федерация, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-6322-6221, somoff33@yandex.ru

Information about the authors

Somov Vladimir A. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-6322-6221, somoff33@yandex.ru

Поступила в редакцию: 14.09.2023

Принята к публикации: 20.03.2024

Опубликована: 29.03.2024